

УДК 165.0

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЗАБЛУДШЕЙ ПРИЧИННОСТИ*

С.М. Левин

Для всякой компатибилистской теории свободы воли, опирающейся на натурализм, сложность представляет совмещение пропозиционального содержания интенций с их конкретным каузальным воплощением. Наши предварительные намерения зачастую исполняются совсем не тем способом, каким мы ожидаем, но в итоге приводят к желаемым последствиям, и тогда встает вопрос о том, считать ли такое действие случайным или намеренным. Для решения этой задачи в статье используется таксономия действия, предложенная Дж. Сёрлом, а также рассмотрено, как описание феноменологии действия может отличаться от описания его настоящих причин. Показано, почему случаи заблудшей причинности значимы лишь для наших предварительных намерений, но неважны в тех же ситуациях, когда действие – это результат непосредственного намерения.

Ключевые слова: теория действия, свобода воли, моральная ответственность

Согласно классическому компатибилизму Т. Гоббса, мы свободны тогда, когда действуем в соответствии со своими желаниями или волей (намерениями) «в отсутствии внешних препятствий» [1]. На концептуальном уровне намерения и желания легко различить: психически здоровый человек может иметь одновременно противоположные желания (хотеть поехать в страну А и в страну Б), при этом он не может иметь противоположные намерения (покупать билет в страну А и в страну Б). Намерение входит в полную причину действия, хотя второе не тождественно первому, что можно справедливо истолковать таким образом: или намерение предшествует действию, как горение фитиля предшествует взрыву динамитной шашки, или намерение выступает в качестве причины, совпадающей по времени своего существования с вызываемым событием, как присутствие кислорода во время возгорания. Формирование

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета № 23.38.299.2014.

© Левин С.М., 2014

предварительного намерения также называют интенцией, решением, замыслом или планом. Для всякой компатибилистской теории свободы воли, опирающейся на натурализм, сложность представляет совмещение пропозиционального содержания интенций с их конкретным каузальным воплощением. Дело в том, что наши намерения зачастую исполняются совсем не тем способом, каким мы ожидаем, но в итоге приводят к желаемым результатам, и тогда встает вопрос о том, считать ли наше действие случайным или намеренным. Такие ситуации получили название «заблудшая причинность» (wayward causation).

Первым на явление заблудшей причинности, или, как еще говорят, заблудших цепей причинности (wayward casual chains), обратил внимание Р. Чизолм. Он привел пример, где описывал человека, который хотел разбогатеть, убив богатого дядю и получив его наследство. Наличие у племянника этого намерения столь сильно давило на его эмоциональное состояние и ухудшало его навыки вождения автомобиля, что он неожиданно для себя сбивал пешехода, который по стечению обстоятельств оказался его собственным дядей [2]. Жадный до наследства племянник собирался убить своего дядю, и именно это желание привело его к убийству, но данное убийство парадоксальным образом было непредумышленным. Как же нам отличать умышленные действия, вызванные предварительными интенциями, от неумышленных, случайных действий, вызванных такими же интенциями? Без этого различения в отдельных случаях непонятно, какой этической оценки они заслуживают.

Проблема заблудшей причинности снимается, если мы откажемся от предварительных интенций как причин действия и скажем, что каузально эффективный признак, по которому мы определяем субъекта, всегда состоит только в непосредственной интенции, не предваряющей действие, а совпадающей с ним во времени. Но и при таком ходе нам все равно пришлось бы как-то объяснить распространенные случаи предварительного планирования и принятия решения. Мы покажем, как можно справиться с проблемой заблудшей причинности, если воспользоваться таксономией действия Дж. Сёрла, дополнив ее указанием на то, как описание феноменологии действия может отличаться от описания его настоящих причин. Свою таксономию действия Сёрл подробно изложил в книге «Интенциональность. Очерки по философии сознания» [3] и затем внес в нее коррективы в книге «Рациональность в действии» [4] – на эту последнюю редакцию его теории мы и будем опираться в своем изложении.

В объяснении действия Сёрл исходит из того, что действие, в отличие от процесса восприятия или познания, как правило, не происходит автоматически, для его совершения нам приходится прилагать некоторое волевое усилие. Если прямо перед вами стоит дерево и у вас нормальное зрение, вы видите его независимо от своих желаний, при этом процесс валки деревьев не происходит сам по себе [5]. Конечно, можно привести примеры того, как наши действия осуществляются «сами собой» без нашего осмысленного вмешательства, а восприятия, напротив, требуют концентрации внимания. Но эффективные автоматические действия – это плод суммы предварительных осознанных действий, осознанная же концентрация внимания это само по себе действие. В свободном действии Сёрл выделяет до трех неравноценных этапов, каждый из которых сопряжен с интенциями субъекта и заключается в волевом преодолении «разрыва» (gap) между тем, что есть, и тем, что мы собираемся сделать. Разрыв Сёрл определяет следующим образом: «“Разрыв” – это общее название, которым я обозначаю тот факт, что мы, как правило, не воспринимаем стадии обдумывания и волевых действий как имеющие причинно достаточные условия или как устанавливание каузально достаточного условия для следующей стадии» [6]. Лакуну в причинно-следственном объяснении, которую часто называют «свободой воли», Сёрл именует разрывом [7]. Спецификой закрытия разрывов в различных ситуациях обусловлены выделяемые Сёрлом этапы.

Первый возможный, но не обязательный этап – это предварительное намерение, принятие решения действовать тем или иным образом. К сожалению или к счастью, наличия некоторого намерения недостаточно для его осуществления. Можно выделить два способа заставлять себя исполнять свои намерения: это планомерная тренировка воли или создание условий, усложняющих невыполнение предварительного намерения [8]. Например, человек, пообещавший себе не заказывать в ресторане на десерт крем-брюле, чтобы гарантировать выполнение своего же решения в будущем, зная о своих слабостях, может специально пойти в такой ресторан, где в меню нет крем-брюле [9]. На стадии долгосрочного планирования определяющей силой у человека выступают его долгосрочные предпочтения, исходя из них он моделирует ситуацию будущего таким образом, чтобы сиюминутная жажда удовольствий не имела шансов разрушить долгосрочные планы [10].

Второй этап – непосредственно совершение действия не только всегда следует за предварительной интенцией, но также может возникнуть и без таковой. Действие может быть спонтанным, и в этом случае наме-

рение в действии будет не вторым, а первым этапом. Только если действие было совершено на основе принятого ранее решения, тогда это второй этап. Даже если действию предшествовало принятие решения, такое решение не обеспечивает достаточных условий для его выполнения, «имеется разрыв между предварительным намерением и намерением в действии, то есть между решением сделать то-то и то-то и реальной попыткой это сделать» [11]. Разница между предварительным намерением и намерением в действии заключается в том, что предварительное намерение само по себе не влечет за собой никаких телодвижений и, наоборот, намерение в действии при отсутствии оков и уз непосредственно приводит к телодвижению, а не предваряет его. В конце статьи будет объяснено, почему случаи заблудшей причинности неважны для второго разрыва.

Третий этап действия возникает в тех случаях, когда исполнение намерения требует продолжительных усилий со стороны субъекта, как, например, преодоление Ла-Манша вплавь или написание книги [12]. Из того, что преодоление третьего разрыва растянуто во времени, следует, что такие действия не могут быть случаями заблудшей причинности, поскольку их нельзя совершить случайно. Невозможно нечаянно переплыть Ла-Манш или нечаянно написать книгу. Отсутствие случайностей в продолжительных действиях – это одна из причин того, что их моральная оценка имеет больший вес по сравнению с моральной оценкой «моментальных» действий при прочих равных условиях. Описанная выше ситуация заблудшей причинности в примере с племянником и дядей не может в принципе иметь места для продолжительных действий. Племянник мог случайно сбить пешехода, оказавшегося дядей, которого он хотел убить ради наследства, но он не мог бы случайно пытаться его в течение недели, требуя подписать завещание в свою пользу.

Нумерация разрывов как первого, второго и третьего не означает их жесткую неизбежную последовательность, скорее это именование, связанное с их очередностью в случае существования всех трех разрывов. Применительно к проблеме заблудшей причинности это означает, что в представленном сценарии Р. Чизолма и аналогичных ему смешиваются разные этапы разных действий и в одной части сценария о них говорят как о разных действиях, а в другой – как об одном большом действии. Сама возможность такого смешения объясняется тем, что фактическая машинерия действия не обязательно должна прямо коррелировать с феноменологией действия, с тем, как мы воспринимаем то или иное действие. Мероприятие, осуществленное субъектом, может состоять из не-

скольких актов, каждый из которых был независимым и только постфактум они слились в одну смысловую единицу. Так, строительство дома можно считать одним действием, но можно и разбить на множество более простых вроде возведения отдельных стен, а эти действия, в свою очередь, также можно свести к более простым вроде подвоза стройматериалов, укладки кирпича и т.д. [13].

В примере Чизолма у племянника было сформировано предварительное намерение убить дядю, и этой ситуации соответствует первый разрыв в теории Сёрла. Побочным каузальным следствием предварительного намерения здесь было то, что навыки управления автомобилем оказались ухудшены. У племянника намерение в действии по управлению автомобилем не было исполнением его предварительного намерения, а смерть дяди была побочным результатом этого намерения в действии. Племянник виноват, как бы дико ни звучало это сочетание, в двух отдельных «вещах»: в намерении убить дядю и в непредумышленном убийстве дяди. Возможно, что данная фраза станет звучать более приемлемо, если мы обратим внимание на то, что нет никакого противоречия в том, чтобы хотеть убить человека А и случайно убить человека Б. Намерение кого-то убить и случайное убийство другого человека вполне могут уживаться в рамках одного повествования, так как это два отдельных акта. Тот случайный факт, что на месте А оказался Б, не делает их единым действием. Дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибает дядя, и формирование предварительного намерения о его убийстве нельзя объединить ни в смысловую единицу «преднамеренное убийство», ни в смысловую единицу «случайное убийство». Последнее имело место, но оно связано с предварительным намерением совершить убийство так же, как и со всеми событиями в прошлом, последствия которых вошли в полную причину этого действия. Такими событиями были и укладка асфальта на дорогу – без этого племянник не смог бы так быстро ехать, и покупка племянником автомобиля – без этого ему не на чем было бы сбивать дядю, и то, что заправщик заправил бензином автомобиль племянника, и т.д.

Во многих ситуациях результаты наших осознанных действий оказываются совсем не такими, каких мы ожидали, но такое отклонение не снимает с нас автоматически всякую ответственность. В некоторых случаях она сохраняется, а в некоторых – нет. Как правило, наличие ответственности зависит от того, что субъект может обоснованно ожидать от своего действия, как если бы он заранее спрогнозировал последствия исходя из системы своих знаний о мире. Именно этим объясняется то,

что дети в меньшей степени отвечают за последствия своих поступков и их ответственность растет по мере увеличения их знаний о мире. На этот аспект обращает внимание Р. Дворкин, когда заключает, что разница в ответственности не связана с особым каузальным механизмом взаимосвязи интенций ребенка и его поступков. «...У нас нет оснований полагать, что маленькие дети, которые определенно принимают решения, принимают их каким-то иным способом. Таким образом, у нас нет оснований приписывать им иного внутреннего агента или иную причину их решений. Каких бы взглядов мы ни придерживались относительно свободы воли взрослого, мы должны будем придерживаться их и в отношении детей. Но, конечно, есть разница... Малые дети обладают неполноценной, если судить по стандартам взрослого человека, способностью формировать корректные убеждения относительно того, как устроен мир, а также о последствиях, благоразумии и моральности своих действий и получения того, что они хотят» [14]. Неполноценность картины мира ребенка освобождает его от ответственности, и как только у окружающих появляются серьезные основания считать, что ребенок обладает знаниями в той или иной области, за деятельность в этой сфере его могут начать наказывать.

Хотя взрослого, вменяемого человека крайне сложно будет защищать, говоря, что он не знал, что некоторое действие плохо само по себе, оправдание может строиться на указании того, что в данном конкретном случае субъект не обладал информацией, достаточной для того, чтобы предусмотреть последствия своих действий. Примером такого минимального эпистемологического оправдания могла бы служить гипотетическая попытка защитников племянника из примера Чизолма указать на то, что он не знал, что дорогу переходит его дядя, или на то, что за несколько секунд до столкновения с пешеходом он не знал (так как отвлекся) о том, что этот пешеход вообще находится перед автомобилем. Доказать, что у племянника не было возможности предсказать появление дяди в этом месте, еще можно, но то, что у него не было оснований предположить, что на улице будут пешеходы, нельзя, даже если он на самом деле не знал, что прямо перед его автомобилем оказался человек, за секунду до столкновения. Для «эпистемологического оправдания» важно не только то, о чем человек не знал в момент действия, но и совокупность тех действий, которые привели его к этому незнанию. Если находится такое действие, которое субъект обязан был совершить, чтобы предотвратить свое незнание, повлекшее за собой нежелательные следствия, но такого действия не совершил или совершил его неправильно,

то это ставится субъекту в вину. Как замечают исследователи, зачастую нынешнее незнание имеет причиной не непосредственно предшествовавшую ему «познавательную халатность», оно может начинаться гораздо раньше, и отыскать первопричину незнания иногда довольно сложно [15]. Племянник мог не знать, что по дороге идет пешеход, потому что не следил внимательно за дорогой, хотя должен был. На его месте мог бы оказаться довольно глупый человек, который к тому же из рук вон плохо учился в автошколе и не знал, что во время движения надо смотреть только на дорогу. Тогда изначальной причиной незнания у этого человека было бы его плохое прилежание в автошколе. Проследить такую цепочку воображаемых причин можно было бы еще долго, к тому же ничто не мешает переносить ответственность за незнание с водителя на его учителей или родителей и тем самым втянуться в дискуссию о границах нашей эпистемологической самостоятельности. Каковы бы ни были изначальные причины незнания, сядящий за руль самим этим актом декларирует, что, по его мнению, он знает достаточно для того, чтобы не подвергать других людей неоправданному риску, и такая декларация значительно снижает убедительность апелляции к незнанию правил дорожного движения и правил эксплуатации автомобиля.

Разграничение случайного убийства и намеренного убийства в примере Чизолма становится возможным потому, что мы прибегаем к «естественно напрашивающемуся» способу объяснения случаев заблудшей причинности: пропозициональное содержание интенций отделяется нами от их каузального воздействия и действие признается преднамеренным тогда и только тогда, когда эти два аспекта совпадают [16]. То есть агент действия задумывает что-то, и действие реализуется так, как он задумал, а не просто потому, что он это задумал. Племянник задумал убийство, и у него было предварительное намерение убийства, но его намерение в действии, которое и стало актом убийства, не фигурировало в его изначальном плане и не было исполнением этого плана, но представляло собой лишь случайное каузальное следствие наличия у него этого плана.

После Р. Чизолма о проблеме заблудшей причинности стали писать и другие философы, предлагая все более запутанные случаи. Д. Дэвидсон привел пример со скалолазом, отличающийся от примера Чизолма, во-первых, тем, что в нем замысел исполняется при полной осведомленности агента действия о том, что происходит, и, во-вторых, тем, что результат поступка в меньшей степени опосредован внешними для агента факторами. Вот этот пример: «Скалолаз может захотеть избавить себя от

веса и от опасности, связанной с тем, что он держит на веревке другого человека, и он может знать, что, ослабляя хватку веревки, он может избавить себя и от веса, и от опасности. Это убеждение и желание так нервнируют его, что он ослабляет свою хватку, и, тем не менее, может оказаться так, что он никогда не выбирал того, чтобы ослабить хватку, и что он не ослаблял ее намеренно» [17]. Пример Дэвидсона направлен на критику теорий действия, в которых исходной точкой поступков считались желания субъекта. Основное отличие от примера Чизолма состоит в том, что для обоснования невиновности скалолаза нельзя прибегнуть к эпистемологической защите: скалолаз прекрасно знал, кого он держит и к каким последствиям приведет ослабление хватки.

Разжимание рук или ослабление хватки в принципе может быть намеренным, но также мы можем представить, что разжимание рук происходит само собой. Если бы у скалолаза руки оторвались от плеч, то мы бы даже не обсуждали, *сделал* ли он это или это *произошло* с ним. Наличие предварительного намерения не гарантирует появления у скалолаза намерения в действии; в нашем случае руки разжались из-за наличия у скалолаза намерения, но *не потому, что он специально их разжал*. И следовательно, человек не совершал предумышленного убийства. Ведь его предварительное намерение не было реализовано в намерении в действии, но представляло собой одну из причин рассматриваемого события.

При каких условиях скалолаза все-таки можно было бы признать виновным? Для целей нашего анализа проблемы заблудшей причинности мы модифицируем пример Дэвидсона. К тому, что написал Дэвидсон, мы добавим, что у скалолаза были не только убеждения и желания, но и план по сбрасыванию своего партнера, однако это намерение реализовалось не в результате осознанного выбора. Скалолаз виновен в предумышленном убийстве, если разжимание его рук было реализацией намерения в действии. В таком случае скалолаз виноват в преднамеренном убийстве независимо от того, было ли оно необходимым следствием предварительного намерения или нет. Далее в статье будет показано, что этическая оценка поступков, вызванных намерением в действии, когда они привели к ожидаемым результатам, никак не может быть скомпрометирована случаями заблудшей причинности. То есть бессмысленно говорить, что поступок, вызванный намерением в действии и приведший к ожидаемым для агента результатам, был случаен.

Для того чтобы мы могли сказать, что заблудшая причинность для поступков, вызванных намерениями в действии и совпадающих с ними

по результатам в своем пропозициональном содержании, может заставить нас переоценить такие поступки, нужно было бы указать на факты, существенные для решения вопроса о случайности или преднамеренности поступка. Будет ли тип этих фактов зависеть от того, какой теории свободы воли и сознания мы придерживаемся? Будет ли разница между подходами к ситуации у физикализма и детерминизма, с одной стороны, и субстанциального дуализма и либертарианства – с другой? Для сторонника либертарианских взглядов на свободу воли ответ будет заключаться в фиксировании того, как причиной движения руки стали нервные импульсы, берущие свое начало в манифестации метафизической свободы воли субъекта. Если либертарианец еще и субстанциальный дуалист, то за манифестацией свободной воли будет стоять, если использовать метафору Г. Райла, призрак, таинственно притаившийся в машине тела и управляющий ею по своему усмотрению [18], а случайное действие – это то, что происходит с машиной помимо приказов призрака. Проблема в том, что у нас нет средств для усмотрения действий «призрака» и для проверки наших предположений о преднамеренности действий скалолаза мы в любом случае будем иметь дело с совокупностью физических факторов. То есть физикализм и дуализм, и, соответственно, либертарианство и детерминизм будут различаться только в онтологическом плане, но если главной задачей для нас будет идентификация изначальной причины, в эпистемологическом плане между ними не будет никакой разницы.

Объективная проверка предположения о том, что разжимание рук было преднамеренным, сведется в конце концов к поиску нейронных коррелятов намеренных действий и их связи с моторной частью нервной системы. Нужно будет вначале установить, какой активности мозга соответствует осознанное, намеренное действие, а потом проследить цепочку типичных нейрофизиологических причин, из-за которых руки скалолаза разжались. Развитие событий от возбуждения соответствующих нейронов до ослабления напряжения мышц руки скалолаза без аномальных помех можно было бы назвать образцовым намеренным действием. А заблудшей причинностью была бы ситуация, в которой искомый результат получится из-за факторов, не играющих никакой роли при образцовом намеренном действии. Например, сама попытка разжать руку вызвала бы у скалолаза судорогу, из-за которой рука действительно бы разжалась, однако это было бы побочным результатом судороги, поразившей его тело из-за попытки разжать руку, но не прямым следствием его намерения. Если бы скалолаз не попытался разжать руку,

то и судорога бы не возникла. Такое развитие событий можно было бы назвать заблудшей причинностью, хотя наличие подобной ситуации при имеющемся намерении в действии никак влияет на моральную оценку поступка.

Идентификация первоначальной причины в части головного мозга, которая приводит к действию, пусть и окольным, заблудшим образом, означает разделение личности и тела. На смену призраку в машине приходит когнитивный агент-гомункул, управляющий этой машиной. Мы можем судить о действиях скалолаза Дэвидсона и без привлечения полной томограммы мозга скалолаза в момент разжатия руки. Проблематизация примера Дэвидсона невозможна без неявной предпосылки о том, что в нашем мозге есть разные цепочки причинности и только некоторые из них ведут к ответственности агента. А для того чтобы нам нужно было найти такие цепочки, мы должны будем сменить привычную установку относительно других людей с «интернациональной» на «физическую» [19] – смотреть на других индивидуумов не как на личностей, исходящих из своих желаний и убеждений, а как на редуцированные к биологии или даже к физике сложные системы. Мы не хотим сказать, что такая редукция невозможна, просто наши этические суждения предназначены для другого уровня описания наших действий. Если бы наши моральные оценки зависели от того, какие именно физические причины отвечают за действия, то мы бы никогда их не выносили до того, как создадим полную физическую теорию мира. Однако из онтологической предпосылки о физической природе мира не следует то, что суждения этики всегда должны опираться на протокольные физические предложения.

Почему же мы не говорили обо всей этой машинерии причин, разбирая пример Чизолма, и обратились к ней только для анализа примера Дэвидсона? Дело в том, что в любом описании того, что произошло с племянником, было совершенно неважно, какой род причин привел к аварии. Намерение в действии племянника заключалось в том, чтобы управлять своим автомобилем, и было ли это управление осознанным или автоматическим, никак не изменяло того, что побочным, неожиданным эффектом стал сбитый пешеход. В любом случае племянник не знал, что пешеход – это дядя. Однако про скалолаза Дэвидсона мы не можем сказать, что он не знал о том, что ослабление захвата веревки приведет к желаемому им инциденту, иначе говоря, мы не могли строить защиту скалолаза с эпистемологических позиций, так как он обладал правильным и полным представлением о сложившейся ситуации. Судить

о действиях скалолаза нужно исходя из того, был ли его предварительный план исполнен через намерение в действии или нет. В последнем случае скалолаз будет невиновен, а в первом – виновен, даже если намерение в действии достигло своей цели окольными путями. Получается, что экзотические случаи заблудшей причинности могут иметь место только при наличии реализованного необычным, случайным образом предварительного намерения, но при этом они не влияют на нашу моральную оценку того, что агент на самом деле совершил, и лишь создают иллюзию контраргумента против компатибилизма. Что же касается ситуации, в которой агент начал пытаться что-то делать, то всякие попытки проследить причинно-следственную цепочку после формирования намерения в действии внутри нервной системы скалолаза ведут лишь к абсолютизации роли отдельных областей мозга, хотя объектом моральной оценки выступают личности, а не их отдельные части. Поэтому здесь мы даже не сможем осмысленно говорить о заблудшей причинности. Таким образом, классическая компатибилистская теория свободы воли вполне может справиться со случаями заблудшей причинности, однако поступки, вызванные предварительными намерениями и намерениями в действии, требуется анализировать по отдельности.

Примечания

1. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 609.
2. См.: Chisholm R.M. Freedom and action // Freedom and Determinism / Ed.by K. Lehrer. – N.Y.: Random House, 1966. – P. 30.
3. См.: Searle J.R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
4. См.: Сёрль Дж. Рациональность в действии. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
5. Мы оставляем в стороне обсуждение роли и практической значимости знания для появления на горизонте нашего внимания тех или иных объектов. Подробнее см.: Липский Б.И. Вещь как интенциональный объект // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 14–22.
6. Сёрль Дж. Рациональность в действии. – С. 68.
7. Там же. – С.26.
8. См.: Ariely D., Wertenbroch K. Procrastination, deadlines, and performance: self-control by precommitment // Psychological Science. – 2002. – V. 13, No. 3. – P. 219.
9. Ibid.
10. См.: Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
11. Сёрль Дж. Рациональность в действии. – С. 69.
12. Там же.
13. Существуют ли базовые, неразложимые на составляющие действия и если существуют, то в каком виде – это отдельная проблема. Подробнее см.: Enz B. How We Act? – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. – P. 35.

14. *Dworkin R.* Justice for Hedgehogs. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011. – P. 238.
15. См.: *Smith H.* Culpable ignorance // *The Philosophical Review.* – 1983. – V. 92, No. 4. – P. 546–547.
16. См.: *Моя С.С.* The Philosophy of Action. – Cambridge: Polity Press, 1990. – P. 118.
17. См.: *Davidson D.* Essays on Actions and Event. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 79.
18. См.: *Райл Г.* Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, 1999. – С. 28.
19. См.: *Деннет Д.* Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М., 2004. – С. 27–44.

Дата поступления 11.01.2014

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургский
филиал, г. Санкт-Петербург
serg.m.levin@gmail.com

***Levin, S.M.* Prior intentions and the problem of wayward causation**

For any compatibilist theory of free will basing on the naturalistic worldview, it is difficult to reconcile propositional content of intentions with their specific causal implementation. We often fulfill our prior intentions in an absolutely unexpected way; nevertheless, they result in desired consequences. Then, there arises a question whether we should treat such an action as an accidental or intentional one. To answer this question the paper uses John Searle's taxonomy of action and considers how a description of phenomenology of action may differ from a description of its real causes. We show why cases of wayward causation are relevant just for our prior intentions and are of no significance in situations when our action is an effect of our immediate intention.

Keywords: theory of action; free will; moral responsibility